

Майн-Рид Томас

Пропавшая сестра

**Охотничий рассказ из жизни
американских обитателей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Т56

Т56 **Томас М.**
Пропавшая сестра: Охотничий рассказ из жизни американских обитателей /
Майн-Рид Томас – М.: Книга по Требованию, 2022. – 189 с.

ISBN 978-5-519-94699-5

ISBN 978-5-519-94699-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Эль-Гранъ-Шако.—Два путешественника.

ПОЛОЖИТЕ передъ собою карту южной Америки, устремите глаза ваши на мѣсто сліянія двухъ большихъ рѣкъ,—Салады, выходящей изъ Андскихъ горъ съ юга, и Параны, текущей съ сѣвера. Поднимитесь по первой рѣкѣ до города Сальта въ прежней Тукуманской области; затѣмъ, слѣдуя вдоль берега второй рѣки и притока ея Парагвая, идите до бразильскаго форта Конмбры; соедините эти два пункта слегка изогнутою линіею, обращая ея выгибъ къ цѣпи Кордильеровъ, и вы начертите границы одной изъ самыхъ малоизвѣстныхъ и, въ то же время, одной изъ самыхъ интересныхъ странъ американскаго материка.

Этотъ край, столь-же романичный по своему прошедшему, столь таинственный по своему настоящему, донинѣ точно такъ-же недоступенъ цивилизаціи, какъ и въ ту эпоху, когда лодки Мендозы тщетно пытались пристать къ нему съ южной стороны и гдѣ искатели золота, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ въ Куско, попытались изслѣдовать этотъ край съ запада. Эта мѣстность и называется «Эль-Гранъ-Шако».

Вы, вѣроятно, слышали это названіе, и если изучали географію, то, безъ сомнѣнія, узнаете отчасти описываемую страну.

Но если-бы вы даже знали о ней столько-же, сколько известно пограничнымъ жителямъ, то и тогда вы будете имѣть одни поверхностныя свѣдѣнія о Грань-Шако. Все, что знаютъ они объ этомъ уголкѣ, сводится къ двумъ словамъ: страданія и томительныя тревоги.

Вы, вѣроятно, были воспитаны въ тѣхъ понятіяхъ, что народы испанской расы, въ дни своего величія и славы, подчинили своей власти весь американскій континентъ, или, по крайней мѣрѣ, часть этого континента, который они хотѣли колонизировать и который еще до сихъ поръ частью находится подъ ихъ владычествомъ.

Это историческое заблужденіе, какихъ не мало встрѣчается. Увлекаемые жаждой золота, *побѣдители*, подъ прикрытіемъ сильныхъ военныхъ экспедицій, обошли значительную часть территоріи, но остались громадные пространства, куда имъ никогда не удалось проникнуть и которыхъ имъ еще менѣе удалось колонизировать. Таковы страны: Навахоа на сѣверѣ, Гоахирось въ центрѣ, Патагонія и Арауканія на югѣ и обширная степная страна, простирающаяся отъ Кордильероу и перувіанскихъ Андъ до водъ Парагвая, то-есть страна Грань-Шако.

Названная нами страна, достаточно обширная для того, чтобы основать на ней цѣлую имперію, не только не населена до сихъ поръ, но остается даже вовсе неизслѣдованною. Дѣйствительно, съ полдюжины экспедицій, робко предпринятыхъ и вскорѣ покинутыхъ, не заслуживаютъ названія изслѣдованій.

То же самое слѣдуетъ сказать о слабыхъ усиліяхъ отцовъ іезуитовъ или отцовъ францисканцевъ. Дикари Грань-Шако такъ-же отказались подчиниться кресту, какъ и мечу.

Чему-же слѣдуетъ приписать такую заброшенность этой оригинальной территоріи? Неужели это такая-же бесполезная пустыня, какъ большая часть страны апачей и команчей, какъ равнины Патагоніи и горы Арауканіи? Развѣ это сырые, непроходимые лѣса, періодически затопляемые,

подобно обширной долины Амазонской, или подобно дельте Ориноко? Нисколько.

Гранъ-Шако, напротивъ, обладаетъ всѣмъ, что необходимо для привлеченія колонизаціи. Вы встрѣтите здѣсь обширныя прогалины, покрытыя питательной травой, лѣса тропическихъ деревьевъ, гдѣ преобладаетъ пальма; совершенно здоровая почва, способная производить все необходимое для удовлетворенія потребностей и удовольствій жизни.

Однимъ словомъ, Гранъ-Шако можно сравнить съ громаднымъ паркомъ, или съ цѣлымъ рядомъ громадныхъ живописныхъ садовъ, ухоть за которыми предоставленъ самому Творцу вселенной.

Почему здѣсь не развилось земледѣліе?

Отвѣтъ на это простой: потому что жители края охотники, а не земледѣльцы.

Этотъ край остался въ полномъ владѣніи своихъ краснокожихъ хозяевъ, первобытныхъ властелиновъ земли, воинственныхъ индѣйцевъ, которые до сихъ поръ успѣшно боролись противъ всѣхъ попытокъ поработить ихъ съ помощью солдатъ, рудокоповъ, миссіонеровъ и мамелюко-совъ ¹⁾.

Эти независимые дикари верхами на неутомимыхъ лошадяхъ, которыми управляютъ съ искусствомъ центавровъ, мчатся по равнинамъ Гранъ-Шако съ быстротою птицы, увлекаемой вѣтромъ. Презирая постоянныя жилища, они кочуютъ по этимъ зеленѣющимъ долинамъ и благоухающимъ лѣсамъ, подобно пчелѣ, перелетающей съ цвѣтка на цвѣтокъ, и раскидываютъ свои палатки только тамъ, гдѣ привлечетъ ихъ живописное мѣсто.

Ихъ называютъ дикарями, но кто подчасъ не позавидуетъ ихъ безпечному и поэтическому существованію?

Хотите вы ближе познакомиться съ этимъ народомъ?

¹⁾ Мамелюкосы южной Америки составляютъ смѣшанную расу португальцевъ, африканцевъ и индѣйцевъ. Главное ихъ пребываніе въ Санъ-Паоло, въ Бразиліи. Мамелюкосы самые жестокіе охотники на невольниковъ южнаго континента и исторія ихъ ничто иное, какъ сплетеніе жестокостей и убійствъ.

Въ такомъ случаѣ, слѣдуйте за мною и вступимъ вмѣстѣ въ Гранъ-Шако.

Подъ небомъ, соединяющимъ въ своей лазури всѣ оттѣнки сафира и бирюзы, разстилается изумрудно-зеленая равнина. Не взирая на яркій цвѣтъ неба и зелени, ландшафтъ довольно однообразенъ; тамъ и сямъ маленькое бѣлое облачко да золотой шаръ солнца, сіяющаго въ зенитѣ, оживляютъ однообразный цвѣтъ небосклона, и, глядя на безконечную равнину, глаза отдыхаютъ только на кое-гдѣ разбросанныхъ группахъ пальмъ, на стаѣ *цанель* Rhea ¹⁾, или на парѣ большихъ бѣлыхъ птицъ съ оранжевой шеей и алымъ гребнемъ ²⁾, царей между коршунами.

Но эти послѣднія, плавая въ высшихъ предѣлахъ эфира, равно принадлежатъ и небу, и землѣ.

Такимъ представляется Гранъ-Шако, почву котораго почти не попирала нога бѣлаго человѣка. Гранъ-Шако такъ же свѣжъ и дѣвствененъ, какъ и въ первый день своего творенія.

Я говорю: «нога бѣлаго человѣка почти не попирала этой почвы»; а между тѣмъ, пока мы любуемся окружающимъ пейзажемъ, на отдаленномъ горизонтѣ обрисовываются два живыхъ существа.

Сначала они представляются двумя точками и ихъ можно принять за пару страусовъ или за самца и самку гуазути ³⁾, такъ какъ они не одинаковаго роста. Но это не простыя животныя. Это несомнѣнно люди. Они направляются къ центру равнины; они приближаются; уже можно различить, что это верховые; вотъ они подъѣзжаютъ еще ближе... у нихъ бѣлыя лица.

На одномъ изъ нихъ, который повыше, величественная и живописная одежда. На плечахъ накинута пончо, шерстяной яркій плащъ съ бѣлыми, красными и голубыми по-

¹⁾ Rhea, нандуй, птица изъ разряда голенастыхъ.

²⁾ Cathartes papa, самая красивая птица изъ породы коршуновъ.

³⁾ Родъ южноамериканскихъ ланей, свойственныхъ пампасамъ.

лосами, какой носят жители равнинъ Ла-Платты. Изъ-подъ плаща виденъ камзолъ, напоминающій старинный полукантаъ, украшенный богатой вышивкой и *пезетасами*, то есть монетами въ двадцать пять су, съ изображеніемъ аргентинской республики. Широкія бумажныя шаровары, на подобіе зуавскихъ, ниспадаютъ на ноги, оставляя колѣни обнаженными до оторочки сапогъ.

Тяжелыя шпоры и шляпа съ широкими полями, обвитая яркой лентой, дополняютъ костюмъ этого всадника.

При одномъ взглядѣ на сбрую его лошади, на уздечку, на ремни съ серебряными бляхами, на тщательно сшитый и покрытый разводами чепракъ, въ немъ можно признать гаухо, степного всадника.

Другой всадникъ тоже покрытъ плащомъ, но цвѣтъ его плаща темный и онъ такъ широкъ, что изъ-подъ него не видно другой одежды. Его ноги, покоящіяся въ деревянныхъ стремянахъ, обуты въ сапоги; бархатныя панталоны доходятъ до самой ступни. На головѣ у него такой-же сомбреро (широкополая шляпа), какъ и у его товарища, но эта шляпа какъ будто недавно была исковеркана и расплющена. Его лошадь, осѣдланная и взнузданная съ большей простотой нежели у гаухо, идетъ спокойнымъ шагомъ.

Хотя оба всадника ѣдутъ рядомъ, бокъ о бокъ, такъ что стремяна ихъ соприкасаются, они не обмѣнялись ни единымъ словомъ съ тѣхъ поръ, какъ мы завидѣли ихъ среди равнины.

Впрочемъ гаухо, повидимому, одинъ только и въ состояніи говорить. Его спутникъ, хотя и твердо сидитъ въ сѣдлѣ, но какъ-то странно держитъ голову. Кажется, будто голова у него ниже плечъ и слегка склоняется на правую сторону. Не взирая на тѣнь, бросаемую полями шляпы, замѣтно, что глаза его закрыты. Можно предположить только одно, что онъ по крайней мѣрѣ спитъ.

Въ подобномъ предположеніи не было-бы ровно ничего невѣроятнаго, если-бы оно относилось къ гаухо, потому что эти полуцентавры рѣдко давали себѣ трудъ слѣзать съ ло-

шади для отдыха. Другой всадникъ, хотя и не гаухо, можетъ стать, тоже хорошій наѣздникъ. Въ этихъ мѣстностяхъ южной Америки всѣ отлично ѣздятъ верхомъ.

Помимо странности его посадки, замѣчательнъ цвѣтъ его кожи; кожа эта бѣла и нѣжна, какъ у блондина, а блондины считаются рѣдкостью въ здѣшнихъ краяхъ. Даже губы его совершенно безцвѣтны.

Этотъ путникъ, бодрствуетъ онъ, или спитъ, или слѣпъ, очевидно нездоровъ.

Весьма можетъ быть, что онъ спитъ, потому что онъ не управляетъ своей лошадыю: его руки, покрытыя плащомъ, повисли вдоль его тѣла, а брошенные поводья лежатъ на лошадиной гривѣ.

Лошадь нисколько не затрудняется тѣмъ, что ею не управляютъ и идетъ нога въ ногу съ жеребцомъ, на которомъ ѣдетъ гаухо.

Лошади ступаютъ медленно. Онѣ словно погружены въ летаргическое состояніе.

При такомъ жгучемъ зноѣ—это не удивительно.

Къ тому-же все показываетъ, что всадникамъ спѣшить некуда; это видно по движеніямъ гаухо.

Достигнувъ центра равнины, гаухо порывисто останавливаетъ лошадь и обращаетъ пристальный взглядъ къ зениту.

— У насъ еще шесть часовъ впереди, — проговорилъ онъ, — а ѣдучи даже такимъ черепашиимъ шагомъ можно добраться до дому въ три часа. Зачѣмъ являться до заката солнца? Бѣдная сенора! Пусть лучше она увидитъ его ночью!

Хотя глаза его обратились при этихъ словахъ на неподвижнаго спутника, лошадь котораго остановилась въ одно время съ лошадыю гаухо, онъ, очевидно, не ожидаетъ отвѣта. Остановка не разбудила спящаго.

Монологъ былъ произнесенъ угрюмымъ тономъ, который странно противорѣчилъ обыкновенно веселому и разбитному виду гаухо. Его загорѣлое лицо ясно выражало,

что онъ больше склоненъ къ шуткамъ и забавамъ, чѣмъ къ мрачнымъ размышленіямъ.

— Что дѣлать?—продолжалъ онъ разговаривать самъ съ собою.—Прежде всего я освобожусь отъ этого пончо. Это пока самое спѣшное дѣло, а то я задохнусь! Это солнце немилосердно жжетъ! Точно въ пылающей печи сидишь!

Онъ сдернулъ съ себя плащъ и положилъ его на сѣдельную луку; затѣмъ, глядя на своего спутника, прибавилъ:

— Съ него нѣтъ нужды снимать плаща. Жара навѣрно не будетъ беспокоить его.

Сказавъ эти слова, онъ задумывается, затѣмъ начинаетъ осматриваться, какъ-бы стараясь отыскать что-то на равнинѣ. Глаза его останавливаются на группѣ деревьевъ, растущихъ неподалеку.

Стволы этихъ деревьевъ опутаны сѣтью чужездныхъ растений и они представляются подобіемъ лѣсистаго островка на поверхности неподвижнаго изумруднаго моря.

— Я могу себѣ позволить отдохнуть подъ ихъ тѣнью,— снова проговорилъ гаухо.—Надо собраться съ силами, чтобы имѣть мужество исполнить свое дѣло... Одному Богу извѣстно! *Pobre senora у los pinos!* (бѣдная госпожа, бѣдныя дѣти!) Какую страшную новость я имъ привезу! *Sangue de Cristo!* (Кровь Господня)! Какъ я посмотрю имъ въ глаза!

Его спутникъ не произноситъ ни слова. Повидимому, ничто не можетъ его пробудить. Его лошадь быстро повернула въ другую сторону, слѣдуя за лошадью гаухо, что заставило его покачнуться на сѣдлѣ, но глазъ онъ не открылъ.

Доѣхали до группы деревьевъ. Гаухо спѣшился. Онъ привязываетъ къ дереву лошадей,—свою и товарищеву,—но ни слова не говоритъ товарищу, который все такъ-же неподвиженъ, такъ-же безмолвенъ; гаухо разводитъ огонь, приготовляетъ себѣ скудный обѣдъ, но товарища не приглашаетъ подкрѣпить силы. Онъ не заговариваетъ съ нимъ и оставляетъ его въ сѣдлѣ, погруженнаго въ глубочайшій сонъ.

ГЛАВА II.

Уединенное жилище.

ГРАНЪ-Шако орошаютъ три большія рѣки: Саладо, Вермею и Пилькомайо. Всѣ берутъ свое начало въ Андахъ и, протекая почти въ параллельномъ направленіи къ юго-востоку, вливаются въ разныхъ мѣстахъ въ Парану и Парагвай.

Эти рѣки малоизвѣстны. За послѣдніе годы Саладо была только частью изслѣдована.

Саладо составляетъ южную границу Гранъ-Шако; около ея верховья, орошающаго колонизованныя области Сантъ-Яго и Тукуманъ, изрѣдка попадаются путники. Южный берегъ Саладо, вблизи устья, не безопасенъ, даже потому, что дикари Гранъ-Шако часто переходятъ черезъ рѣку во время своихъ хищническихъ набѣговъ.

Вермею меньше извѣстна, чѣмъ Саладо, а Пилькомайо еще меньше, чѣмъ Вермею.

Къ верховьямъ Вермею и Пилькомайо можно безопасно приблизиться, до самыхъ необитаемыхъ мѣстностей аргентинскихъ штатовъ и республики Боливіи, но затѣмъ тѣ части ихъ, которыя протекаютъ по пустынямъ Гранъ-Шако, неизвѣстны въ научномъ отношеніи, развѣ только при впаденіи ихъ въ Парагвай.

Изъ этихъ трехъ рѣкъ Пилькомайо самая сѣверная и самая длинная; ея теченіе, начиная отъ истока до устья, занимаетъ болѣе тысячи миль. Она впадаетъ въ Парагвай двумя рукавами; сѣверный рукавъ вливается почти прямо противъ города Асунсіона. Куда впадаетъ южный рукавъ—еще неизвѣстно ¹⁾).

Вотъ всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о рѣкѣ Пилько-

¹⁾ По слухамъ, устье южнаго рукава находится почти-что въ двадцати миляхъ ниже, но Пажъ не открылъ его во время своихъ изслѣдованій. Быть можетъ Пилькомайо вливается въ Парагвай однимъ изъ многочисленныхъ ручьевъ, которые изрѣзываютъ по всѣмъ направленіямъ страну. Въ послѣднемъ случаѣ не мудрено, что это ускользнуло отъ изслѣдованій Пажъ.

майю. Всѣ попытки миссіонеровъ и рудокоповъ проникнуть дальше въ страну остались безъ успѣха. Въ наше время была снаряжена экспедиція подъ покровительствомъ болійскихъ властей, но и эта экспедиція не привела ни къ какимъ результатамъ, такъ что попрежнему приходится довольствоваться показаніями индѣйцевъ.

Рѣка, сколько можно судить, орошаетъ страну почти плоскую, ровную и саванны, покрытыя травой и испещренныя рошищами пальмъ и тропическихъ деревьевъ; надъ равниною возвышаются уединенныя горы, похожія на высокія башни. Рѣка то быстро течетъ между рѣзко очерченными берегами, то разстилается обширными болотами и лагунами соленой или солоноватой воды, по величинѣ своей похожими на внутреннія моря. Впрочемъ, такіе разливы бывають только въ пору наводненій.

Хотя обследованное устье Пилькомайо находится всего въ разстояніи выстрѣла отъ столицы Парагвая, перваго города, основаннаго испанцами въ этой части Южной Америки, ни одному парагвайцу отъ роду не приходило въ голову подняться вверхъ по рѣкѣ. Жители Асунсіона такъ же мало знаютъ окружающую ихъ страну, какъ и въ тотъ день, когда, по приказанію Азари, почти цѣлыхъ сорокъ миль тянули лодку противъ быстрого теченія Пилькомайо.

Никто никогда не пытался основать колоніи на Пилькомайо,—я тутъ подразумѣваю нижнее теченіе рѣки,—у верховья существуютъ кое-какія поселенія. Что касается до Гранъ-Шако, то тутъ бѣлые не выстроили ни единого города, дѣвственные волны рѣки не отражаютъ въ себѣ ни единой колокольни христіанской церкви.

Не взирая на все это, въ лѣто отъ Р. Х. 18.. путешественникъ, поднявшійся по таинственной Пилькомайо миль на десять выше мѣста, достигнутого испанскимъ натуралистомъ, могъ увидать домъ, возвышавшійся на берегу и домъ, очевидно, построенный бѣлымъ, или, по крайней мѣрѣ, человекомъ, знакомымъ съ обычаями цивилизаціи.

Домъ былъ деревянный, съ бамбуковыми стѣнами, покрытъ пальмовыми листьями, но гораздо обширнѣе хижины дикаря. Кругомъ шла веранда, оскѣненная навѣсомъ крыши; тутъ находился огородъ, заботливо засѣянный мансомъ, мальвами, бананами и прочими произведеніями парагвайскаго климата, и скотный дворъ. Все обличало, что тутъ построился человѣкъ кавказской расы.

Это была не простая хижина (toldo), а богатая усадьба (estancia).

Мебель, хотя грубой работы, была на европейскій образецъ. Стулья и табуреты изъ южно-американскаго бамбука, кровати, покрытыя бѣлыми одѣялами, полъ, устланный цыновками изъ пальмовыхъ волоконъ, нѣсколько картинокъ съ натуры, небольшое количество книгъ, географическія карты, гитара,—все это обозначало обычаи и нравы, несвойственные индѣйцу.

Въ нѣкоторыхъ комнатахъ и подъ верандою можно было замѣтить любопытныя вещи, которыхъ невозможно встрѣтить въ хижинѣ туземца. Тутъ были звѣриныя шкуры и птичьи чучела, насѣкомыя, приколотыя къ кускамъ древесной коры, мотыльки, блестящіе жуки, пресмыкающіяся, сохраненныя въ ихъ отталкивающемъ видѣ, образчики разнаго дерева, мѣстныхъ растений и минераловъ.

Всякій, войдя въ описанное нами жилище, ни на минуту бы не усумнился, что тутъ живетъ натуралистъ.

А въ этихъ краяхъ кому же, кромѣ бѣлаго, могла придти охота заниматься натуральною исторіею?

Такимъ образомъ, усадьба эта казалась необыкновеннымъ, страннымъ явленіемъ. На разстояніи пятидесяти миль въ окружности не существовало ни единого другого жилища бѣлаго человѣка. Самымъ ближнимъ жилымъ мѣстомъ былъ городъ Асунсіонъ; и на всемъ пространствѣ къ сѣверу, югу и западу могли появиться только первобытные хозяева края, индѣйцы Гранъ-Шако, которые поклялись въ непримиримой ненависти къ блѣднотѣмъ съ самаго того дня, когда лодки впервые показались на волнахъ Пилькомайо.